

Я буду орать, а ты – жечь костер (Джунгария – 2026)

Текст и фото: А. Ровинский. Редактура и верстка: П. Волкова

По стандартной логике вещей студент-первокурсник биологического факультета МГУ в первые два месяца лета обречен на изоляцию в стратегическом санатории под кодом «ЗБС». Но есть еще логика хаоса — ее также иногда называют судьбой...

22 июня

*Спроси Ларису строго:
"Ты сделаешь нам пропуск?"
Доставишь ли в Джунгарию до первого моста?"
"Ребят, базару нету!"
Потушит сигарету
И заберет нас ночью прямо с аэропорта*

В желудке чувствовался сдавливающий вакуум, а вареные яйца, которые Полина запасливо притащила с собой в аэропорт, предательски заканчивались. Табло вылета, тем временем, не менее предательски не спешило радовать своим прогнозом. Но вот, спустя четыре-пять часов ожиданий, когда зал перед воротами на выход стал совсем уж неприлично переполнен людьми, наконец, был приглашен на посадку наш рейс.

Летели четыре с лишним часа, и вышли к встречающим под гул песен и трепыхания национальных флагов. Впрочем, с фанфарами встречали вовсе не нас, а спортсменов-борцов, вернувшихся с соревнований, зато нас быстро выловил из толпы высокий казах с солнечными очками на лбу и отвел на парковку, где яркая луна через дымку подсвечивала новенькую БМВ. Следующая остановка – магазин, через одну – город Талдыкорган (местные часто называют его "Талдык").

Перебросившись во внедорожник, мы устремились на юго-восток к погранзаставе Рудничный. На очередном свороте водила ткнул в окно, хмыкнул и гордо объявил:

— Во, мой родной бич-приёмник! — мы посмотрели на него вопросительно — Он же «Центр адаптации для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации». Пять лет я тут был замдиректора. Бывает, на рынке ко мне "клиенты" наши подрулят и такие: "Асаламу алейкум, шеф!", а я им: "Тише-тише, тут же люди вокруг"...

23 июня

*А ночка была долгой
И утро было зябким
К полудню забралися мы на перевал Омар
Оставили заначку, да взяли риса пачку
Спеши, мой друг, ты к Казану дорогой сквозь Джунгар.*

Часам к пяти-шести утра, после пары часов тряски по каменистой дороге, машина остановилась у "первого моста" – моста через реку Коксу в 25 км от Рудничного, от которого начинается подъем на перевал Омар. Выходит, непрерывное перемещение сюда из Москвы заняло у нас сутки. Мы распахали по рюкзакам те весьма солидные

количества еды, которые приобрели в магазине, перешли реку и устремились через березнячки и ручейки наверх. Километров через пять мы увидели первую юрту, спросили, не собирается ли кто-нибудь ехать в сторону Омара, а через пару минут уже сидели во внедорожнике с массивным мужиком с тонким LD в зубах и красной шляпой с надписью "Vietnam" на голове. Проехав километра четыре, мы выпрыгнули из салона и отправились дальше по дороге вверх. Показались первые белоснежные зубья и смольно-черные скалы, по альпийским лугам разбежались красношапочные выюрки с горными коноплянками и сусликами, в голове пронеслось что-то типа: "Наконец-то, я снова здесь".

Восточный склон Омара ощутимо круче западного, ближе к концу спуска мы слегка перекусили и оставили заначку с провиантом в кустах (его количество в рюкзаках явно превосходило те, что мы могли бы слопать до возвращения к этой точке). После спуска и небольшого траверса реки Коксу оказались у ее "истока" — слияния рек Казан и Караарык. Мост через Казан (а.к.а. "Второй мост") перевел нас в широкую пойму Караарыка, по которой мы прошли чуть меньше километра, попутно поглядев на *Stuckenia* в разливе ручья, и спустились на нижнюю террасу, где встали лагерем.

24 июня

Дорога вылезла из газонобразной поймы на высокий берег, мы оказались в пихтарнике. Здесь, встретив в лесу набор видов, который гораздо больше напоминает южно-сибирский, чем тот, что встречался в любых биотопах на Алае, я окончательно убедился в словах Полины о том, что со Средней Азией у этих мест сходства мало.

Опять спустились на луга, обошли стадо бычков и табун лошадей, залезли на перевал Туемойнак — водораздел между долинами Казана и Караарыка. Обдумав, не хотим ли мы отправиться на восток по хребту, отбросили эту идею и спустились к "Третьему" мосту через реку Казан. Перед ним в небольшой лужице-озерце обнаружили заросли *Callitriche* и цветущего *Batrachium*.

Спустя часок-другой марша вдоль Казана мы пообедали, оставили в можжевелевом стланике рюкзаки и сгоняли наверх разведать озеро. В нем, впрочем, ничего не оказалось, а через еще часок ходу на восток нас подобрал ГАЗ-66. Мы прыгнули в кузов, груженный частями юрты, мешками, водкой и пушками, и помчались дальше вверх по течению реки. По пути мужики зарулили к юрте отдать товарищу бутылку горькой, а еще через полчаса встали на полянке, где начали ставить юрту:

— Эу, Вол'од'я, памагай! — позвал меня старший казах в очках.

Довольно оперативно мы собрали металлический каркас новомодной юрты (от таких технологий любой алайский чабан в обморок упадет), после чего началось натягивание покрывки. Босс в очках приговаривал:

— Ай, тишь-тишь, эта туда давай, жиес, жахсы-жахсы! — и мы с мужиками тянули веревки.

Под конец растягивания вдалеке показался всадник на черной лошади:

— Уай, ща качевника приедет, мозга делать будет...

Так называемый "качевника" представлял собой низенького brutального казаха абсолютно черного цвета в шапке авиатора. Он привязал коня, раздал всем нам саламов, потушил сигарету, помог дотаскать вещи (в т.ч. пятидесятикилограммовые мешки) и ускакал назад вверх по течению, а "мозгу делать" даже не думал.

Погодка начала портиться, с запада показались грозовые тучи, мужики на шишиге передумали ехать дальше, а мы раскланялись и побежали ставить лагерь в пойму Казана. Спокойный пасмурный вечер, за все время которого нас смутил лишь странный сигнал фонарем из верховьев реки, сменился осадками. Значит, пора спать.

25 июня

Ночью лило как из ведра, а утром мы проснулись под одеялом спешащих в сторону Китая облаков. Сегодня предстояло залезть к озерам на хребте, так что мы покинули лагерь и начали подъем вдоль ручья, у которого стояла поставленная нами вчера юрта. Узенькая тропинка вела по правому берегу (для нас, соответственно, левому),

мутные облачка курсировали по долине Казана, периодически нагоняли нас, цеплялись за возвышающиеся над нами черно-белые клыки и растворялись в снежниках. Луга и стланик со славками и коньками сменились курумниками и лишайниками с завирушками и альпийскими галками. Вдали из-под крупных камней нерасторопно вылез жирный байбак, огляделся, заметил кружащего беркута, заорал, и пушистый хвостик снова нырнул в камни. Разочарованный беркут тоже огляделся, но, не обнаружив ничего стоящего, улетел отдыхать на скалы.

Вскоре показалось лазурное безжизненное озеро, нас снова накрыло рыдающее и завывающее облако, мы завернули на восток и вылезли к следующему озеру. Оно, хоть и оказалось чуть менее безжизненным, но ботвой порадовать не смогло, так что мы отобедали на его берегу и поспешили вниз.

За пару-тройку часов мы пробежали мимо матерящихся черногрудых красношеек, шустрых соколов, кукушки, пытающейся закошмарить пару пеночек, и оказались снова у юрты. Вчерашние мужики уже успели поддать для настроеньица, устроили нам небольшой допрос, после которого отпустили с Богом.

Пока мы с Полиной занимались домашним хозяйством, в лагерь прискакал черный чабан (вчерашний "кочевника"):

— Уааа, не холодна вам у реки?? Давай ка мне в юрту, там дом, еда, зарядка — все ест... — заговорил он, не вынимая из зубов сигарету.

— Не, спасибо, у нас уже тут дом. А вот нам бы узнать, где брод через Казан есть — ответила ему Полина и маякнула мне, чтобы выяснил у чабана этот момент. Мы с Масхетом на коне и собакой Рексом отправились вверх по течению. На месте брода чабан приподнял шапку и почесал макушку:

— Леее, пещьком тут прохода нэт... Верхом ездить? Завтра утром лошадь дать могу. Ну или перевезу вас.

Набрав в мочажинке *Stuckenia* с плодами, мы вернулись к палатке, я изложил Полине возможные варианты, после чего она отправила меня на переговоры.

— Да, завтра утром, если мы часов в шесть к вам зайдем — хорошо?

— Жахсы-жахсы. Вы ка мнэ в юрту захади, пасидим, пагаварим...

— Спасибо! Я без начальника зайду, у нее еще работа, да и день долгий.

Плотно поужинав с Полиной рисово-чечевичной похлебкой, отправился к Масхету. Тот был в самом разгаре кашеварения, в юрте пахло жареной картошкой, табаком и овцами. Хозяин усадил меня на ковры и вытащил из мешка банки тушенки. После небольшого диалога он вскрыл банку конины ножом и с извиняющейся улыбкой сказал:

— Ты только эта, нэ падумай, что я чабан без мяса... Проста только перекочевал, не успел зарезать... — улыбка стала шире и почти закрыла глаза.

За поеданием жарехи Масхет рассказал, что люди на шишиге, с которыми мы вчера забрасывались, отдают ему на лето отару с табуном и платят вполне приличные деньги за выпас. Вчера ночью, когда он ушел на верхнюю юрту, а мы встали лагерем у Казана, их машина заглохла, как только они поехали назад:

— Уай, вчера ночью сижу там навэрху, вижу красный фанарь, где река. Думаю, беда случилось что-ли у каво... Ну я фанарем своим помигал, ниче не понял и спать пошел. А утром там же ваш кастер вижу... И городские вчера ваще разь@@ались в натуре, утром еле вытащили мы их.

После долгих бесед, под конец которых Масхет успел опрокинуть три кружки термоса горькой, небольшого урока казахского и уточнения договоренностей на завтра чабан снарядил меня помидорами, огурцами, грызлом и лепешкой, и я отправился с гостинцами на боковую.

26 июня

Утром мы по вчерашней договоренности явились к Масхету в юрту, он отловил жеребца, оседлал и нагнал нас уже в районе брода. Чабан по очереди перевез нас на ту сторону, мы договорились, что где-то в районе обеда вернемся к тому же месту, откуда он нас заберет, и почесали наверх.

Вскоре показалось первое озеро, окруженное табуном лошадей. Я немного на них повыпендривался (не сказать, что взаимодействие с лошадьми — мой конек), вожак, очень не хотевший уходить с водопоя, посмотрел на меня как на придурка и отвел стадо. Это озеро, впрочем, оказалось практически пустым, только торчки *Eleocharis* немножко его оживляли. Зато в соседних озерах нашлись заросли *Myriophyllum* и даже тонкий рдестик.

К полудню мы уже спустились назад к броду и крепко задумались над тем, как бы вернуться на левый берег Казана. Попытка перейти реку самостоятельно показала, что это дело стремное, оставалось ждать Масхета. Мы нашли удобное просматриваемое с дороги место и обсудили дальнейшие действия.

— Хорошо. Тогда я буду орать и свистеть, а ты — жечь костер. — подытожил я, когда Полина выдала мне свисток. И мы громко рассмеялись: такое распределение ролей актуально во многих ситуациях.

Я залез на обрыв долины Казана, заорал, как орет самец бабуина со скалы над кенийской саванной, посвистел, посмотрел в бинокль на юрту через всю долину Казана. До юрты было метров эдак пятьсот с лишним. Дверь юрты была предательски закрыта. Повторив эту процедуру, вернулся к Полининому костру и мы вкусно пообедали. Ветер нехило сдувал дым на восток, так что от костра, видимо, было не очень много толку. Мы выдумали новую стратегию: дожидаться, когда Масхет выйдет из юрты, и в этот момент привлекать его внимание всеми способами. Я снова уселся на обрыв наблюдать за чабаном. Спустя минут пятнадцать тот, почесывая голову под шапкой, высунулся из убежища, Полина услышала мой крик (и казах тоже) и замахала синим плащом. Кочевник потрусил за конем, ноги в стремя, и вот он уже перевозит нас на другой берег. Мы пообещали навестить Масхета через пару дней, свернули лагерь и ушли на восток, к следующему приюту в долине горной реки.

27 июня

Оставили лагерь и налегке пошли дальше к Китаю, распуская по дороге чечевиц, соколов и скальных голубей. Через несколько километров мы свернули с дороги

наверх в озерную страну. Основная масса озер абсолютно идентична друг другу, и ничего интереснее *Callitriche* там не попадается, но местами находится что-то интересное. Так, например, парочка была забита каким-то забавным ежеголовником. После небольшого подъема через ручьи, озера, табуны матерых коней, снежники и камни мы достигли высоты 3100 метров на перевальчике над ручьем Коксай.

Вид шикарный: впереди, как водится, серебристые снежники и страшные черные скалы, внизу еле виднеется Казан и озера в его пойме, а по левую руку простираются бесконечные пестрые горы Синьдзянь-Уйгурского автономного округа Китая.

Я сбегал вниз к каменистому озерцу, вернулся, гордо помахивая бело-желтыми цветками водяного лютика, и мы пошли в обратную сторону. В одном из бесконечного множества озер, с которых торопливо улетали от нас стаи огарей, нашелся горец.

Внизу заорал байбак, а за можжевельником мелькнули всадники. Нас окликнули, а через десять секунд мы уже были окружены тремя могучими конями с номерными татуировками, на которых восседали сотрудники пограничной службы. Полина поотвечала на вопросы погранцов, после чего они снова скрылись в можжевельнике. А мы спустились на дорогу, оглянулись на китайские скалы, да почесали на запад.

Казан здесь абсолютно не похож на себя: он распадается на тысячу протоков и образует гигантскую каменистую пойму, переполненную куликами разных сортов, а километра через два-три снова сливается в одно русло. Что-то подобное, кстати, мы видели в Алайской долине на реках Курумды и Кызыл-Суу. Пару часов мы брели вдоль реки за садящимся где-то далеко в степи солнцем, а к закату как раз оказались в лагере.

28 июня

Утро выдалось пасмурным, лагерь оперативно свернулся, и два человека поскакали по долине вниз. Через пару часов мы уже оказались у юрты Масхета. Хозяин, как всегда в шапке и с сигареткой, радостно пустил нас внутрь и налил наваристой шурпы. Второй завтрак выдался на славу, мы уже собрались уходить (даже с шикарными псами попрощались), как чабан предложил нам взять с собой козлятины. Полина быстро вывела меня из заторможенного состояния, и вот в моем рюкзаке уже запасены свежайшие элементы козы.

Марш по дороге назад к Туемойнаку выдался достаточно долгим, так что, спустя несколько часов, уже рядом с «Третьим» мостом, мы зашли в еще один пастуший домик. Обстановка, что надо: младший пацан пытается справиться со своим строптивым мини-конем, в самом летнике в углу красуется голова козла с огромными

рогами, неподалеку от нее отдыхают мужики, а на залитом кровью столе тетушка очень медитативно, но притом увлеченно, разделывает тушу. Все как в аптеке: отборное мясо в один тазик, печенку с почками — в другой, кости — в третий. Разделка козла подошла к концу, все следы заготовки исчезли (кроме окровавленной головы, разумеется), семейство собралось в летнике. На столе появились конфетки, печенюшки и приколюшки всех возможных сортов — любой житель Алайской долины бы от такого перекуса чабана в обморок упал. Хорошенечко полакомившись, мы дошли до моста через Казан, перевалили через Туемойнак, промаршировали пойму Караарыка, перешли по "Второму" мосту, а через пару километров хода вдоль Коксу встали лагерем у милейшего ручейка в сотне метров от самой реки. День долгий, аппетит нагулян, костер под естественным навесом из ивы разведен, время для шурпы из козлятины.

29 июня

*Мы обошли все юрты
Мосты и водоемы
На столике красуется с козлятиною таз
Халву — в рот, руки — в ноги
Подъемчик непологий
Иди, мой друг, всегда иди дорогою Жонбас*

Погода приятная, уютные кусты покинуты, движемся в сторону Омара. Снова дорога вылезает из поймы в пихтарники, снова переход тысячи ручейков, и вот мы уже поднимаемся на перевал. Где-то к полудню доползли до заначки, оставленной еще в самом начале маршрута, послышался шум мотора. Я прыгнул в кусты за провиантом и газетами, а когда выпрыгнул, Полина уже грузилась во внедорожник. Его водителем был седой казах с густыми серебристыми бровями и огромными ладонями: руль "mitsubishi" в его руках казался баранкой игрушечной машинки.

После эпического подъема на перевал Омар внедорожник издал странный звук и подзаглох.

— Это еще что такое... — спокойным басом пробормотал казах и выкинул окурок в окно — Что-то тут не так...

Он слегка поигрался с передачами и машина поехала дальше. На спуске с Омара к машине подскочил алкоголического вида загорелый русский мужик на худощавой кобыле:

— Асаламу алейкум, Игорек! — седой казах ухмыльнулся.

— Ас... - кобыла с помятым всадником покачнулись — ...аламу алейкум! Калайсын?

После их небольшой беседы, в которой происхождение Игорька выдавал только нетрезвый голосок, водила спустил нас с Омара. Мы пересекли "Первый" мост, оказавшись на правом берегу Коксу, проехали еще чуть больше пяти километров и спешились.

Отсюда начинается тропа Жонбас, потерявшая популярность у чабанов с тех пор, как ее подмыло. После поедания упаковки халвы и зачистки лужайки полевой клубники, начался подъем. Начинается он достаточно круто, но достаточно быстро вылезает на хребет и выполаживается. Через пару часов мы выползли на перевал (с шикарным видом, разумеется), где зарулили в юрту.

В ней обитали типичные милейшие "дед да баба вери-вери олд". Здесь нас встретил прекрасный ассортимент варений и, что самое шокирующее, тазик винегрета (вот уж чего точно не ожидаешь встретить в горах у чабанов).

Отсюда дорога ведет на восток, пройдя по ней несколько километров и перевалив горы Коктобе, мы устроились на удобной площадке в ущелье, у одного из немногочисленных там источников воды, и заночевали.

30 июня

Выбрались из котловины и устремились по дороге на северо-восток. Вскоре дорога пропала, так что мы отправились на север по скотским тропинкам, перевалили через каменистые горы Сандык и приступили к спуску в долину реки Шимбулак, перебродив которую, снова оказались на хорошей дороге. Здесь, загнав за валуном очередную порцию еды, мы выдвинулись на восток.

Долина очень забавная и абсолютно не похожа на то, что мы видели на Казане и Коксу: ее склоны сложены гладкими обточенными в причудливые формы валунами, которые покрывает арчовый стланик.

В месте, где Шимбулак резко заворачивает на северо-запад, дорога по перекошенному мосту из парочки металлических листов переходит на другой берег и тянется прямо на очень плавную седловину, с которой начинается спуск. Километров через пять, пройдя через целый парк вытесанных ветром и водами каменных фигур, дорога пересекает очередной ручеек (Терсаккан), вдоль которого тянулась.

Здесь мы залезли в тенистую пещерку одного из гигантских валунов и перекусили. Очередной подъемчик, пересечение бурлящего потока по мосту, снова подъемчик. Спустились с тропы в юрту у ручья – не прогадали, ассортимент варений у хозяев дополнил нашу коллекцию смородиновым.

Вскоре начался спуск с хребта, который вывел нас к ручью Арасан, мы пересекли его по мини-мостику и встали лагерем под пихтами.

1 июля

Сегодня в планах радиальный выход. Оставили лагерь, перешли ручей и отправились по дороге на восток. Километра через два свернули на север к минеральному роднику Арасан. У теплого источника с сероводородной водичкой и бело-рыжим пятнистым дном стоит полуразрушенный маленький пихтовый сруб и даже лежит проржавевший ковшик для омовений, но посетители здесь, кажется, появляются совсем нечасто.

Чуть дальше по дороге мы снова завернули, осмотрели маленькое озерцо с водяным лютиком, Полина пошла наверх посмотреть на крупное озеро Жасылколь, а я остался в можжевельнике гоняться за птицами. Когда я успел докопаться до каждой завирушки, каменки, чечевицы, конька и овсянок в стланике, воробьиные вдруг затихли. Над джайляу крутилась пара огромных орлов-могильников.

Через пару часов вернулась Полина, потребовала сникерс и поведала мне историю о прекрасном чистейшем сердцевидном озере, укрытом в горной ложбинке,

и похвасталась букетом рдеста и урути. Да, сникерс она точно заслужила. Спустившись к реке, мы заметили обеденную юрту и перешли на тот берег, где нас встретили хозяева.

О да, именно то, что сейчас нужно. Без лишних прелюдий гостеприимная хозяйка в тюрбане разлила по тарелкам что-то среднее между шурпой и лагманом и, приговаривая «Бисмилляхи-р-Рахмани-р-Рахим», раздала всем еду. Оказалось, что мы первые гости в их юрте за все время, что они пасут здесь скот. А это, на минуточку, шесть лет. Набор яств к чаю сразил нас наповал: вот уж точно последнее, что ты ожидаешь увидеть у чабанов среди Джунгарии, так это сушеные бананы и киви. Хозяева сфотографировались с нами на память (мы на них, видимо, произвели еще большее впечатление, чем они на нас), снабдили кульком сладостей и мы распрощались.

Полина, не переставая восхвалять чудо-юрту, предложила вернуться в лагерь по хребту над урочищем Шемульдыккарасай. Идея оказалась отличной: с каменистого гребня открывается панорама до долины Коксу, с вершины – обзор в 360 градусов на всю окружающую нас пеструю Джунгарию, над которой пара степных луней кошмарит могильников. А после небольшого спуска через ароматные пихтарники мы оказались в лагере.

2 июля

Начинаем выброску из гор и переход к низинной части экспедиции. Довольно оперативно мы проскакали большую часть позавчерашнего маршрута в обратном направлении, у подъема к Шимбулаку зашли в летник на обед.

За пару часов мы дошли до места, где впервые спустились на эту дорогу, забрали заначку провизии и продолжили путь вниз. Валуны, которыми покрыты склоны, со спадом высоты пропадают, ландшафт выстлан мелкой каменной крошкой. Ближе к вечеру, когда Шимбулак отвернул от дороги на юго-запад, а дорога, в свою

очередь, взяла чуть севернее, мы спустились с нее в долинку милого ручейка и заночевали.

3 июля

Утром погода еще не знала, как бы с нами стоит поступить, но и ложноположительного впечатления оставить не хотела. Мы покинули лагерь, идем дальше на запад с легким уклоном к северу вдоль реки Ойсаз, пункт назначения – поселок Текели. В долине, как водится, пасутся табуны. Вожак одного из них, черный как смоль, длинный и худой жеребец, напоминающий что-то среднее между конем «Черного всадника» Билибина и главным гопником Люберец, завидев нас, раздраженно скомандовал жеребятам прибиться к стаду и обойти. Те его сигнал проигнорировали, а через пару секунд вожак уже гнал их в хвост и в гриву. В другой табуне, где начальником был гигантский коняра кремового цвета, таких проблем не возникало: к нему все прислушивались по первому фырканию.

Через пару часов мы дошли до точки, где на карте с противоположного берега ручья отмечен родник Теплый Ключ (правда, какая-либо инфраструктура отсутствует). Там мы устроились под нависающим камнем и перекусили, а осадки, в свою очередь, усилились. Ближе к впадению Ойсаза в Чиже дорога становится глинистой, в наших условиях, соответственно, весьма скользкой.

Чиже встречает лазурным водохранилищем, обнесенным забором с колючей проволокой (в него, кстати, впадает покинувший нас вчера вечером Шимбулак). Несмотря на то, что само водохранилище выглядит абсолютно безжизненным, на его поверхности тусуются огари и крачки. От водохранилища идет хорошая свежая грунтовка, осадки усиливаются (иногда до каких-то совсем уж неприличных по центральноазиатским меркам порывов). Спустя километров восемь, когда обстановка стала совсем уж беспонтовой, сзади послышался шум мотора и перед нами остановился мощный внедорожник с высокой посадкой. Два русских мужика из Текелей, держащих в горах пасеку, посадили нас к себе и довезли прямо до площади, где можно взять такси до Талдыкоргана.

Перебросившись к дядечке таксисту, мы вновь вышли на связь с Ларисой (той самой, из первой ночи) и назначили randevu с ней в каком-то заведении. Постаравшись поест там наиболее оперативно (почти получилось...), мы затарились всякой всячиной в местном гипермаркете и сели в такси до окрестностей города Жаркент. Степь залилась матовым бронзовым сиянием, в пыли и облачках застыли трафареты гор. А в крошечной ночи мы оказались где-то на грунтовке с лотком жареной куриной печени...

4 июля

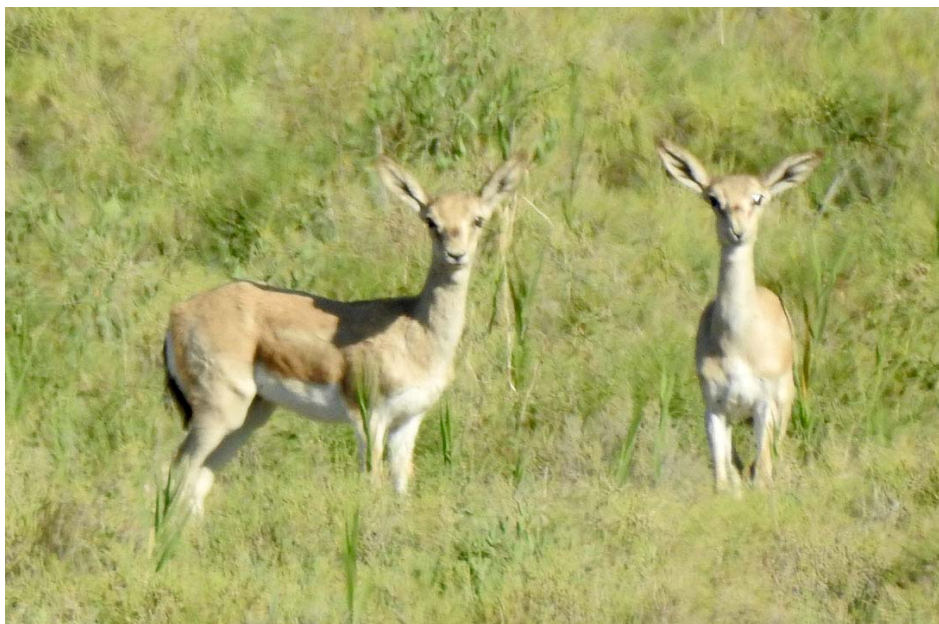
Так-с, надо бы понять, где мы. Под южным склоном Джунгарского Алатау есть приграничный город Жаркент. А от него на юг через поселок Шолакай идет дорога мимо озера Усек. Так вот, здесь мы и находимся. Посреди полупустыни в полутора километрах от бесконечной стены тростника, за которой скрывается огромное озеро. Побродив по окрестностям в целях разведки и уничтожив половинку арбуза, мы вышли на штурм Усека. Первый резервуар относительно пресной воды, у кромки которого копались в грязи лошади, ходулочки и белые цапли, располагался прямо перед тростниками. Пройдя эту лужу, мы забурились в тростниковые заросли и поломились.

Местами заросли становятся чуть гуще и повыше, степень обводненности тоже переменчива. После парочки часов скитаний, встреч с толпами резвых усатых синиц и индийских камышевок, осмотра кучи мочажин и перекуса, мы решили, что проход к водной глади ничего хорошего не обещает, и вернулись на твердую землю. Навернули небольшую петельку по окрестным лужам, поднимая толпы желтых трясогузок, и вернулись в лагерь под куст лоха.

5 июля

Сегодня обследуем второй массив водных объектов в этом районе – старичные системы реки Или (в надежде, что улов будет погуще вчерашнего). Рано утром мы вышли на дорогу, на которой сначала застопили машину, которая провезла нас совсем недалеко. Через полчаса на горизонте появился шлейф пыли, из которого показался древний ЛуАЗ. Выглядит эта штука так, как будто «Лу» – сокращение от Лунный, а не Луцкий. Вес автомобиля и его проходимость соответствуют теории о том, что создан он на Луне. Милейший дедок усадил нас в свою чудо-машину и подбросил километров пять.

Мы высадились на дорогу и двинули на юг. В рассветном мареве паслись джейраны, уставившиеся на нас с явным недоверием. Вскоре мы прошли зону тамариска, за ней – леса саксаула и вышли в натуральную саванну, где из полупустыни торчали массивные деревья.

Начинается охотхозяйство Жаркентского лесничества, по полупустыне скачут агамы, хохлатые жаворонки, пустынные славки и прочие твари. После того, как мы миновали какую-то скотоферму, вокруг которой буянили зуйки и зеленые щурки, наконец, показались тугаи. Здесь они представлены в наилучшем виде: почти нетронуты человеком и кишат жизнью. Лучше всего это стало понятно, когда мы дошли до моста через приток Или под названием Кундузды. Здесь, окруженные разноцветными рыбками, нашлись кувшинки, рдесты большие и маленькие, штукения, уруть, наяда и прочие.

После того, как я поскакал среди подводных зарослей, пока Полина разбирала выкинутые мной комья ботвы, мы вышли к реке Или. В русле течет идеальная по температуре глинистая вода. Небольшое купание в жару было очень кстати. Пообедав, мы вернулись к мосту, зашли за водой на ферму, которую проходили ранее, обошли еще парочку отмеченных на карте стариц. Впрочем, одна из них оказалась очень соленой, а другая не существовала вовсе.

По пути назад нас вдруг снова нагнал дедуля на ЛуАЗе. Эта встреча была еще более кстати, чем по пути туда (вечерело...), так он еще и пятилитровку воды нам подогнал. День удался на славу.

6 июля

Так-с, пора отсюда удочки сматывать, следующий пункт – пески Муюнкум, где на поверхность выходят грунтовые воды, образуя кучу оазисов. Вылезли из-под нашего тенеобразующего лоха и помаршировали в сторону Жаркента. Километров через

восемь по левую руку показалась вода, облепленная белыми и серыми цаплями. Здесь река Усек, впадающая в одноименное озеро с севера, выходит из глиняного каньона и образует здоровенные разливы, которые становятся пристанищем для толп водоплавающих птиц (тиркушек я там увидел впервые в жизни).

Совсем скоро показалась железная дорога. После ее пересечения мы застопили до центра Жаркента. Перед переборской надо бы подкрепиться, посетили очень приятную кафешку с невыговариваемым названием. Здесь, как и везде в городе, очень явно ощущается близость к Китаю: манты похожи скорее на что-то типа сяолунбао на пару, а лагман – на удон. Затарившись дыней, мы нашли единственного таксиста, который не корчил сложную мину при слове «Дубчинколь» и отправились из города на восток. По пути заехали в магазин. Продавщица обратилась ко мне, я сделал виноватую морду и сказал, что по-казахски ни бум-бум. Протягивая мне сдачу, она заговорчески шепнула "Да я тоже..." и рассмеялась.

Мы свернули с дороги в Китай на юг, миновали поселок Худияр и опять пересекли ту самую железную дорогу. Машина бодро неслась по песку между барханов, водила наслаждался музоном из магнитолы и энергично крутил баранку. Вот это я понимаю, профессионал, а то некоторые ныть начинают, как только грунтовку увидят...

Высадились у неплохого озера, которое местные называют Линьковым, поставили палатку, заныкали дыни от коров на дерево и ушли осматривать озеро Дубчинколь. До него было километра три по барханам, самое время выдвигаться.

Пустыня кишит ящерицами всех сортов, в попытках выцепить их из колючек кружат над песком курганники. В ложбинках часто попадаются микроскопические и не очень водоемчики, обильно заросшие тростником, а в них – *Callitriche* и цветущая пузырчатка.

Сам Дубчинколь очень крупный и обитаемый: на его глади пасутся толпы красноносых нырков, бакланов и цапель, а на пляжике, где мы с удовольствием искупались, нашлись заросли штукений. Навернув небольшую петлю по озерцам южнее Дубчинколя, мы вернулись в лагерь, к дыне.

7 июля

Сегодня нам предстояла петля на восток, снова к Китаю. По барханам мы притопали к ручью, впадающему в Дубчинколь с севера. Он, кстати, подготовил по поводу Полининного дня рождения небольшие подарки: ряску, тонкий рдестик со штукенцией, и главное – букет жирного ежеголовника.

После брода через ручей мы выбрали на хорошую дорогу, и по ней пошли на восток до Жедыколя, самого окультуренного из местных озер. Большим разнообразием трав он не порадовал, зато была смешная цапля, почесывающая шею ногой.

Дорога пропадает, мы снова чешем по песчаным холмикам на восток. С самого высокого видно все: наше озеро Алтынколь (восточнее есть еще одно озеро с таким названием), китайский город Хоргос, казахскую границу и Джунгарский Алатау, с которого мы спустились всего несколько дней назад. Омывшись кристальными водами Алтынколя и перекусив, движемся на юг вдоль ручья, вытекающего из озера. Русло очень милое и симпатичное, но кроме штукений здесь ничего не растет, так что, навернув петлю через озеро Сарыколь, мы вернулись в лагерь доедать очередную дыню. Последнюю.

8 июля

Утром нас с небольшим опозданием забрал позавчерашний жаркентский таксист и отвез в город на рынок. Здесь мы, распахивая пограничников, закупились дынями и нектаринами, обнаружили, что наша проверенная забегаловка закрыта (еще бы, в десять-то утра) и пошли в едальню для дальнобоев. Отведали там прекрасного плова и мант "а-ля Поднебесная", испили очень недурного кумыса и погнали в Алма-Аты. На месте, перепаковав рюкзаки, сразу же отправились в бизнес-зал, где до отлета растворились в мире мусаки, курицы карри, фанты и тирамису...